
ПРАВОВОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

по отдельным вопросам обязательственного права

проф. Роман Сергеевич Бевзенко, д.ю.н.

Москва, 2026

I. Постановка проблемы. Квалификация эксперта, конфликт интересов

1. Вы обратились ко мне с просьбой высказать мое экспертное мнение по вопросу российского обязательственного права, связанному с конкуренцией исков, вытекающих из договоров, содержащих иностранный элемент и подчиненный иностранному праву.

2. Вы поставили передо мной следующий вопрос:

Позволяет ли российское право истцу предъявить деликтный, а не договорный иск к ответчику, если фактическим основанием иска является вменяемое нарушение договора между истцом и ответчиком? В частности, если истец квалифицирует свой иск к ответчику в описанном случае как деликтный, то должен ли российский суд применять различные условия договора между истцом и ответчиком (например, соглашение о применимом праве, оговорку об ограничении ответственности, юрисдикционные соглашения и т.д.)?

3. Я являюсь экспертом в области российского гражданского права. Мой опыт практической юриспруденции составляет 27 лет, из которых я 7 лет проработал в Высшем Арбитражном Суде, в котором я возглавлял Управление частного права, ответственное за разработку правовых позиций по частноправовым спорам.
4. С 2008 года я являюсь членом рабочей группы по реформе ГК РФ при Совете по кодификации гражданского законодательства. В частности, я принимал участие в работе группы по общим положениям ГК (которая разработала проект реформы норм Кодекса об исковой давности, Федеральный закон № 100-ФЗ от 7 мая 2013). Я обладаю ученой степенью доктора юридических наук по специальности «Частное право» (РАНХиГС, 2022).
5. В настоящее время я не представляю какую-либо сторону в делах, аналогичных тем делам, которые указаны в запросе.
6. Я заявляю, что у меня отсутствует какой-либо конфликт интересов в связи с подготовкой настоящего заключения, я выступаю в качестве независимого ученого-юриста, высказывающего свою экспертную точку зрения по вопросу, поставленному передо мной.

II. Краткий ответ на поставленный вопрос

7. В результате исследования я пришел к следующим выводам. Российское право, доктрина и судебная практика исходят из принципа приоритета договорной ответственности над деликтной в случае наличия договора между причинителем вреда и потерпевшим. Таким образом, если вред причинен в результате неисполнения или ненадлежащего исполнения договорного обязательства, требование о его возмещении должно заявляться в рамках договорного, а не деликтного иска. Попытка истца квалифицировать такое требование как деликтное с целью обойти невыгодные условия договора (например, об ограничении ответственности, о выборе иностранного суда или о выборе иностранного права) должна быть пресечена судом в рамках принципа «суд знает право» (*iura novit curia*), суд должен применить соответствующие положения договора и нормы договорного права ГК.

III. Обоснование ответа

8. Гражданский кодекс в ст. 12 устанавливает перечень способов защиты нарушенных гражданских прав. Среди перечисленных в ней способов защиты прав особое внимание уделяется искам о защите нарушенного права. В числе этих исков упоминаются, в частности, иски о присуждении к исполнению обязанности в натуре, иски о возмещении убытков. Именно эти две категории исков будут иметь значение для дальнейших рассуждений.
9. Несмотря на то, что сам по себе факт нахождения в Кодексе этой статьи весьма жестко критикуется в научных исследованиях¹, эта статья является положением действующего законодательства и она весьма часто фигурирует в судебных актах. Так, согласно справочно-правовой системе Консультант Плюс на эту статью более 6 тыс. раз сослались высшие суды в своих актах. Арбитражные суды сослались на ст. 12 ГК почти 800 тыс. раз, а суды общей юрисдикции – более 1,8 млн. раз.
10. Разумеется, в подавляющем большинстве случаев эти ссылки не имеют содержательного характера, а положения ст. 12 ГК упоминаются скорее в описательном ключе. Тем не менее, упомянутый факт сам по себе имеет значение: он демонстрирует, какое значение статья, содержащая, скорее, доктринальные суждения, имеет для судебной практики.

¹ В связи с отсутствием в этой статье собственно норм, то есть, правил поведения. Эта статья также не может рассматриваться как содержащая юридически значимые определения. Положения статьи имеют, скорее, академическое значение – благодаря им читатель Кодекса может иметь представление о системе исков частного права.

11. Пожалуй, единственное практическое значение, которое ст. 12 ГК имела в судебной практике, связано со сложившимся в судах (в первую очередь арбитражных судов Московского судебного округа) подходом, в соответствии с которым ошибка истца в выборе вида иска приводила к отказу в его удовлетворении со ссылкой на то, что «истец выбрал неверный способ защиты нарушенного права». Другими словами, арбитражные суды заняли крайне жесткую позицию, не допускающую юридических ошибок в части классификации требования истца. Например, если вместо договорного иска о возврате вещи (например, от арендатора) истец предъявил иск, названный им виндикационным (то есть, иск об истребовании имущества из чужого незаконного владения), то в удовлетворении такого иска суды отказывали со ссылкой на ошибочный выбор способа защиты права².
12. Однако впоследствии судебная практика ВАС³ и ВС⁴ отвергла такой подход. Было признано, что ошибка истца в выборе вида иска не может влечь за собой отказ в иске только по этому основанию. Таким образом, в российской судебной практике окончательно возобладала идея так называемого социального (непрофессионального) судебного процесса: от сторон не требуется точного указания на правовые нормы, которые являются релевантными для разрешения дела, их юридические ошибки не приводят к проигрышу дела. Более того, та юридическая квалификация требования, которая была дана ему истцом, не обязательна для суда. Суд, рассматривающий спор, считается профессионалом, знающим право и обязанным применять релевантные нормы.
13. Таким образом, пример, описанный выше, должен решаться следующим образом: невзирая на правовую квалификацию требования арендодателя о возврате вещи от арендатора как виндикационного иска, суд должен квалифицировать требование как договорное и применить положения договора аренды, а также нормы договорного права.
14. Из изложенного, повторюсь, следует, что квалификация требования, данная истцом, не имеет значения для суда, он не связан ею и обязан сам определить нормы права, подлежащие применению для разрешения спора.

² Типичный пример: «Кассационная инстанция соглашается с выводом суда апелляционной инстанции, что истец выбрал неверный способ защиты нарушенного права, поскольку при наличии между участниками договорных отношений нельзя предъявлять вещно-правовые требования в защиту своих прав» (Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 25.09.2007 № Ф04-6601/2007(38491-А03-30) по делу № А03-3283/2007-41).

³ См. п. 3 Постановления Пленума ВС и ВАС № 10/22 от 29.04.2010.

⁴ См. п. 9 Постановления Пленума ВС № 25 от 23.06.2015.

15. Разумеется, проблема конкуренции договорного и деликтного исков не исчерпывается проблемой *ошибочного* выбора истцом вида иска. Достаточно часто можно встретить ситуацию, в которой истец, состоящий в договорной связи с ответчиком, тем не менее, *намеренно* выбирает деликтный иск вместо договорного иска о возмещении убытков.
16. В этой ситуации встает вопрос о том, существуют ли какие-то правовые нормы, которые бы ограничивали возможность осознанного выбора более выгодного истцу вида иска? Ни в ГК, ни в специальных законах, ни в процессуальных кодексах таких положений нет. Следовательно, этот пробел закона должен преодолеваться толкованием.
17. Могут быть выдвинуты аргументы как в пользу допущения конкуренции исков, и против таковой. Главный аргумент в пользу допущения заключается в том, что коль скоро позитивное право явным образом не запрещает истцу выбор наиболее выгодного вида иска, то он должен быть допустим. Это следует из известной частноправовой максимы: разрешено всё, что не запрещено.
18. Однако этот подход представляется ошибочным. Принцип «можно всё, что не запрещено» в первую очередь применяется в договорном праве в качестве упрощенного объяснения принципа свободы договора. В других разделах частного права (например, в вещном праве или корпоративном праве) его действие не так очевидно (например, в рамках вещного права конструирование ограниченных вещных прав возможно только в пределах, допускаемых законом). В рамках же обязательственного права идея о том, что «можно всё, что не запрещено» объясняется тем, что наличие нескольких совпавших по своим условиям волеизъявлений является достаточным основанием для порождения абсолютно любых правовых последствий, которые пожелали стороны, лишь бы они не противоречили законодательным запретам.
19. В обсуждаемом сюжете с конкуренцией исков такого фундаментального объяснения возможности применить принцип «можно всё, что не запрещено» как наличие совпавших волеизъявлений нескольких лиц, разумеется, нет. Стороны состоят в споре, одно из них желает добиться лучших последствий для себя при помощи выбора деликтного, а не договорного иска. Очевидно, что это ее стремление не подкрепляется согласием другого лица с таким выбором. Следовательно, убедительность применения принципа «можно всё, что запрещено» в данном случае оказывается крайне невысокой.
20. Напротив, раз стороны состоят в споре, то предоставление одной стороне преимущества будет происходить за счет умаления интересов другой стороны. Если последняя не давала согласие на это, то это будет несправедливым⁵.

⁵ Так как будет нарушать принцип уравнивающей справедливости (по Аристотелю).

21. Кроме того, против допущения свободы выбора иска – договорного или деликтного – говорят и содержательные аргументы. В первую очередь они связаны с тем, что в договоре, заключенном сторонами, могут содержаться условия, которые ограничивают ответственность за нарушение. Например, это может быть ограничение по виду или суммы убытков, ограничение в зависимости от наличия или содержания вины нарушителя (например, только за умышленное нарушение)⁶. В случае допущения свободы выбора вида иска, то есть, возможности предъявления иска о возмещении вреда по правилам о внедоговорном причинении вреда, эти ограничения, которые были добровольно приняты на себя, в том числе, и истцом, отпадают и не должны применяться. Вряд ли такой подход заслуживает поддержки с точки зрения базового для частного права принципа автономии воли (ст. 1 ГК). Лицо, добровольно связавшее себя ограничениями, не должно иметь возможность в одностороннем порядке сбрасывать их с себя.
22. Кроме того, даже если и допустить, что истец вправе выбирать между договорным или деликтным иском и требовать от стороны по договору возмещения вреда по правилам главы 59 ГК, то суд неизбежно будет вынужден при обсуждении первого же элемента состава деликта (неправомерного действия) обратиться к договору, заключенному сторонами. Это необходимо для того, чтобы выяснить, нарушил ли ответчик какую-либо обязанность или не нарушил. Странно полагать, что для целей определения наличия состава нарушения договор имеет значение, а для иных аспектов привлечения к ответственности – нет.
23. Российская судебная практика придерживается подхода, не допускающего по общему правилу возможность стороны договора предъявлять иск о возмещении вреда на основании положений главы 59 ГК⁷.
24. Однако из этого правила есть исключения, прямо предусмотренные законом, когда обращение истца-стороны договора к внедоговорным способам защиты допускается судами. Так, ст. 1095 ГК допускает выбор потребителем между деликтным и договорным иском, если вред причинен жизни, здоровью или имуществу недостатками товара, работы или услуги.

⁶ Подр. см. *Ерохова М.А.* Конкуренция требований по Гражданскому кодексу России. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 108-110.

⁷ См. напр. Постановления Президиума ВАС РФ от 18 июня 2013 г. № 1399/13, от 18 февраля 2014 г. № 13817/13). См. также Определение СКГД ВС РФ от 2 марта 2021 г. № 53-КГ20-26-К8: "Из названных положений следует вывод о существенном различии правовой природы данных обязательств по основанию их возникновения: из договора или из деликта. В случае если вред возник в результате неисполнения или ненадлежащего исполнения договорного обязательства, нормы об ответственности за деликт не применяются, а вред возмещается в соответствии с правилами об ответственности за неисполнение договорного обязательства или согласно условиям договора, заключенного между сторонами». См. также Определение СКГД ВС РФ от 13 апреля 2021 г. № 44-КГ21-3-К7.

25. Например, в Определении СКГД ВС РФ от 22 сентября 2015 г. № 66-КГ15-10 коллегия допустила выбор истцом правового основания взыскания убытков по его усмотрению (деликт или договорный иск о взыскании убытков как последствия ненадлежащего выполнения работ по договору). Этот спор являлся потребительским, истцом по нему выступал гражданин. Именно этот фактор и сказался на итоговом выводе суда, отступившего от общей практики о запрете конкуренции договорного и деликтного исков, что подтверждается прямой ссылкой суда на ст. 1095 ГК:

«В силу статьи 1095 Гражданского кодекса Российской Федерации (глава 59 Гражданского кодекса Российской Федерации) вред, причиненный жизни, здоровью или имуществу гражданина либо имуществу юридического лица вследствие конструктивных, рецептурных или иных недостатков товара, работы или услуги, а также вследствие недостоверной или недостаточной информации о товаре (работе, услуге), подлежит возмещению продавцом или изготовителем товара, лицом, выполнившим работу или оказавшим услугу (исполнителем), независимо от их вины и от того, состоял потерпевший с ними в договорных отношениях или нет. Правила, предусмотренные настоящей статьей, применяются лишь в случаях приобретения товара (выполнения работы, оказания услуги) в потребительских целях, а не для использования в предпринимательской деятельности.

Таким образом, нормы Гражданского кодекса Российской Федерации об имущественной ответственности ответчика за вред, причиненный вследствие недостатков товара (работы, услуги), полностью соответствуют аналогичным положениям Закона о защите прав потребителей. В связи с этим следует признать, что в случае причинения вреда вследствие недостатков товара (работы, услуги) законодатель допускает конкуренцию договорного и деликтного исков, оставляя право выбора правового основания иска за гражданином - потребителем».

26. В юридической литературе общее мнение также исходит из того, что произвольный выбор стороной договора правового основания для иска о возмещении убытков, причиненных договорным нарушением, не должен допускаться⁸.

⁸ См. напр.: Садиков О.Н. Разграничение договорной и деликтной ответственности // Комментарий практики рассмотрения экономических споров (судебно-арбитражной практики) / под ред. В.Ф. Яковлева. М., 2015. Вып. 21. С. 123-131; Перемена лиц в обязательстве и ответственность за нарушение обязательства: комментарий к статьям 330–333, 380–381, 382–406.1 Гражданского кодекса Российской Федерации / Отв. ред. А. Г. Карапетов. М., 2022. С. 791 и далее. См. также подробное исследование этого вопроса в работе: Драгунова Т.В. Конкуренция договорных и деликтных требований в сфере предпринимательских отношений // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 12. С. 133 и далее.

27. Таким образом, по действующему российскому праву сторона договора не может предъявить иск к другой стороне договора на основании главы 59 ГК и, тем самым, преодолеть те условия для предъявления требований, которые установлены договором (подсудность, применимое право).

Р.С. Бевзенко

25 февраля 2026 г.